

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9

К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИИ ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ И ЕГО БАРЬЕРОВ

Г.В. Залевский (Томск)

Мы не находим, а ищем.

К. Ясперс

Аннотация. Рассматриваются вопросы определения инновационного поведения и инновационной личности, возможные их классификации и типология. К антиподам инновационного поведения автор относит фиксированные формы социального, профессионального и научного поведения и выдвигает идею о том, что инновационное поведение есть состояние и результат борьбы человека-личности с самим собой: с наследственностью, со средой, с опытом и системой в движении, во времени и пространстве, между иррациональным и рациональным.

Ключевые слова: инновационное поведение; инновационная личность; не- и антиинновационное поведение; типология; иррациональное; рациональное; система; надсистема; человек-личность; барьеры.

К настоящему времени сложилась целая область знаний – инноватика. Инноватика определяется А.И. Пригожиным как «новая область знаний, необходимых для более эффективного решения задач интенсификации и ускорения, – наука о нововведениях, которая стала формироваться в ответ на требования практики» [14. С. 20]. В ней специализируются экономисты, социологи, инженеры, юристы, психологи. Уже внутри самой этой области знания появились относительно самостоятельные направления: формирование новшеств, сопротивление нововведениям, диффузия новшеств, адаптация к ним человека и приспособление их к человеческим потребностям, инновационные организации, выработка инновационных решений и т.д. [11. С. 4].

В психологической литературе можно встретить немало терминов, обозначающих процесс, состояние, поведение или тип личности, входящих в семантическое поле понятия «инноватика», часто рассматриваемых как синонимы (нововведение, новация, инновация, инновационный процесс, инновационное поведение, инновационная личность, новатор, творческая личность, креативная личность, флексиби́льная личность, реформатор, эволюционист, революционер, радикал, неофил и т.п.), а также как антонимы (стереотипы, привычки, рутинность, косность, традиции, фанатизм, ригидное мышление и поведение, фиксированные формы поведения, традиционалист, консерватор, ригидная личность или ригидный тип личности, неофоб и т.д.). В данной статье мы не ставим цель произвести детальный терминологический анализ данного семантического поля, это отдельная задача. Ограничимся анализом лишь некоторых терминов, которые были в составе категориального аппарата наших собственных исследований, а также исследований участников 3-го Сибирского психологичес-

кого форума, посвященного обсуждаемой в статье проблеме.

Понятие «инновация» впервые появилось в научной культурологической литературе еще в XIX в. и означало введение некоторых элементов одной культуры в другую. И только в начале XX в. стали изучаться закономерности технических инноваций. Сегодня понятие «инновация» распространилось практически на все сферы жизнедеятельности человека.

Понятие «инновационная (новаторская) личность» ввел Э. Хаген в 1963 г. [9. С. 6–12], полагая ее в качестве предпосылки усиления экономического роста, распространения предпринимательства и накопления капитала. Он исходил из предположения, что существуют различные «личностные синдромы», полярность которых отражает типичные признаки, характерные для традиционного общества и общества современного. В первом – это авторитарная личность, во втором – прямо противоположная ей во всех отношениях инновационная личность.

Современность, рассматриваемая как эпоха инновационного общественно-экономического развития, как эпоха почти глобального инновационного энтузиазма, направленного, к сожалению, в основном на предпринимательскую деятельность, предъявляет особые требования к человеку. Чтобы соответствовать этим требованиям, помимо энтузиазма, необходимо иметь определенные личностные установки, качества и ценности, которые бы позволили человеку эффективно участвовать в инновационных процессах. А это означает, что психологическая наука и практика оказались перед вызовом, на который надо ответить не только накопленным багажом, но и инновациями в теории и практике. На это, как известно, претендуют прежде всего так на-

зываемая постнеклассическая парадигма и развиваемые в ее русле психологические теории.

В рамках психологии основное внимание исследователей привлекала (и привлекает до сих пор) проблема личностной обусловленности мотивационных процессов, обеспечивающих включение человека в инновационную деятельность [9]. Основной вопрос заключался в определении личных качеств, которыми должны обладать люди, способные к инновационной деятельности и поведению.

Вот уже почти 40 лет я занимаюсь исследованием того, что можно было бы назвать «анти-, или неинновационной личностью», «анти-, или неинновационным поведением», что я обозначил как фиксированные формы социального, профессионального, экономического, политического, научного и любого другого поведения, сформулировав в русле системно-сетевого подхода [1] целый ряд объяснительных моделей этих форм поведения [3–5].

С моей точки зрения, **инновационное поведение** – это генерация человеком собственных новых идей либо принятие им новых идей, генерируемых другими людьми (и активная их реализация, пропаганда, отстаивание).

За инновационным поведением стоит **инновационная личность** – человек, способный почувствовать необходимость отказа от привычного, рутинного, уже неэффективного поведения, необходимость генерации и принятия новых идей, генерируемых другими людьми, активно их отстаивающий, пропагандирующий, реализующий / внедряющий.

Широкий спектр инновационного поведения можно, на мой взгляд, классифицировать по целому ряду оснований:

- временному параметру (постоянное / личностное или ситуативное, выражающее определенное состояние души – вдохновение, озарение, подъем и т.п. по типу «Ого, ты даешь, от тебя мы и не ожидали такого!»);
- интенсивности / уровню (от эволюционного до революционного, кардинального / радикального; Столыпин: «Вам, господа, нужны потрясения, а нам нужна великая Россия!»);
- характеру инициативности (реактивное – в ответ на требующую такого поведения ситуацию и активное, опережающее эти требования; это было сформулировано в виде реактивной и активной флексibilityности, надситуативной активности, свободной инициации, чувства проблемы);
- мотивационному и ценностно-смысловому признакам;
- уровню инициативности: инициативным (выдвижение идеи и ее реализация) и пассивным (выдвижение, генерация идей без их реализации по разным мотивам);
- акциональному уровню: на уровне средств и на уровне цели деятельности;

– широте охвата: локальным или глобальным;

– количеству лиц, проявляющих инновативность: индивидуальным и групповым, массовым.

Противоположными инновационному поведению выступают фиксированные формы поведения [2–7], которые могут проявляться, как:

- просто неинновационные формы поведения (традиционное, привычное, рутинное, косное, консервативное и т.п. поведение);
- антиинновационные формы поведения (радикально консервативное, ригидное, контрреволюционное, фанатичное).

Фиксированные формы поведения можно отнести к тому, что рассматривается в социально-психологических исследованиях в качестве психологического барьера перед нововведениями. А.И. Пригожин одну из составляющих психологического барьера перед новым определяет как силу «привычки, нежелание менять устоявшийся стандарт поведения, боязнь неопределенности...» [14. С. 228]. Некоторые авторы понимают под психологическим барьером субъективные переживания трудностей в деятельности человека. Другие связывают психологический барьер с препятствиями, мешающими нормальному протеканию процесса адаптации субъекта. Названные характеристики не позволяют выделить специфические особенности психологического барьера перед новым по сравнению с другими формами барьеров. В работе Л.М. Подлесной психологический барьер перед новым рассматривается как «неосознаваемая актуальная установка, детерминирующая индифферентное или отрицательное установочное отношение к общественно значимому новшеству» [13. С. 9]. А.Л. Свенцицкий считает, что точнее говорить в данном случае «о психологическом барьере как психическом состоянии личности, в котором неразрывно связаны ее внешне наблюдаемое поведение и субъективные реакции по отношению к нововведениям» [16. С. 24]. Вполне правомерно отметить установочную, диспозиционную природу психологического барьера перед инновациями [11].

Что касается типологии инновационной личности (ИЛ), то людей по характеру их отношения к инновациям, на мой взгляд, можно разделить на две крайние группы, хотя можно предположить существование и групп промежуточных:

– **неофилы** – обладающие разным уровнем интенсивности, качества «инновативной predisпозиции» [11] или «флексibilityности» [4]:

а) креативные люди, испытывающие симпатию или даже любовь к инновациям, признающие их необходимость; на когнитивном уровне они способны генерировать новые идеи, но не обязательно их генерируют, тем более реализуют, поскольку не позволяют себе это делать, т.к. не готовы идти на риск, действовать в ситуации неопределенности, просто высовываться («закапывают талант в землю»);

б) гибкие люди, которые не опасаются генерировать новые идеи, их пропагандировать, отстаивать, возможно, и внедрять; есть среди них те, кто принимает идеи других, их пропагандирует, отстаивает, внедряет. Но есть и те, кто и генерирует, и внедряет, — это истинно гибкие люди-неофилы на личностном уровне, они являются инноваторами не только на уровне средств, но и на уровне целей; это люди, открытые новому опыту, их Я-концепции когерентны новому опыту [20];

— **неофобы** — в буквальном смысле боящиеся всего нового, испытывающие страх перед новым, неопределенностью (может иметь место нетерпимость к новому, к изменениям, к неопределенности, двойственности, intolerance of ambiguity).

Разумеется, между этими крайними группами размещается то большинство, сопротивление, равнодушие, непонимание которого должно преодолевать «инновационно настроенное меньшинство» (С. Московичи).

Л.А. Коростылева, О.С. Советова [11] сообщают об исследованиях, в которых приняли участие почти 4000 человек и внутри которых определилось четыре подгруппы по характеру «инновативной диспозиции» (инновационной готовности и разному отношению к нововведениям): консерваторы — 32,7%; умеренные — 38,5%; инноваторы — 20,3%; радикальные инноваторы — 8,2%.

По мнению В.Е. Ключко и Э.В. Галажинского [9. С. 10], инновационное поведение (ИП) включает в себя:

1) личностные качества, такие как толерантность к неопределенности, способность к оправданному риску, ответственность, потребность в самореализации, мотивация достижения, рефлексивность, креативность (качества интеллекта, интеллектуальная инициатива);

2) компетенции, прежде всего такие, как проектная компетенция, коммуникативная компетенция, информационная компетенция;

3) витальность (особенности ценностно-смысловой организации жизненного мира, жизнестойкость, суверенность, трудоспособность, мобилизационный потенциал, уровень саморегуляции, ориентация человека на определенное качество жизни).

Совершенно правомерно, на мой взгляд, некоторые авторы [9. С. 9] считают, что «сущность проблемы инновационного поведения заключается в том, что по природе своей оно может и должно быть понято как явление сверхадаптивного порядка; однако без объяснения остается мотивация выхода человека «за пределы» (устоявшихся норм, традиций, установок, стереотипов, требований ситуации и т.д.). Проблема усугубляется тем, что решить проблему мотивации инновационного поведения нельзя путем анализа мотивировок, с помощью которых люди пытаются объяснить основания проявленных ими «запредельных» поведенческих форм. Можно полагать, что в феноменах инновационного поведения проявляет себя особая, только человеку присущая фор-

ма перехода возможности в действительность [17], т.е. заявляет о себе процесс саморазвития человека.

Чрезвычайно актуальными в этой связи становятся вопросы о том, откуда возникают, как регулируются «свободное действие», «сверхнормативная деятельность», «сверхнормативное поведение», «надситуативная активность», «гибкая активность», «инновационное поведение» и т.д. За этой проблемой стоит действительно глобальная проблема психологических механизмов саморазвития человека за пределы всяческих «норм» и «требований ситуации», проблема порождения человеком собственных норм («нормотворчество»), проблема «психологического гетеростаза», непонятного с точки зрения его реализации в конкретной ситуации.

В.Е. Ключко и соавт. приходят к выводу, что в этом «повинно» мышление: «Мышление как основание творческой деятельности всегда есть *выход* за пределы нормы, стандарта, традиции, т.е. выход за пределы некоторой системы (функциональной, нормативной, институциональной). Но для последующего *возвращения* в систему, без которого «творение» всё-таки бессмысленно, необходимо если не *оправдание*, то, во всяком случае, *объяснение* творческой, инновативной интенции субъекта» [9. С. 10].

Эти соображения представляются нам особенно интересными по ряду причин. Во-первых, даже если согласиться, что «мышление является основанием творческой деятельности», то все равно напрашивается вопрос, а всегда ли оно — «выход за пределы нормы, стандарта, традиции, т.е. выход за пределы некоторой системы (функциональной, нормативной, институциональной)? Во-вторых, мысль о том, что «мышление как основание творческой деятельности всегда есть выход за пределы... системы», правда, не очень ясно за пределы какой системы, поскольку прилагательные «функциональной, нормативной, институциональной» не очень ясны по содержанию. В-третьих, примечательно, что термин «система» поставлен в один ряд с терминами «норма», «стандарт», «традиция». В-четвертых, самое спорное, это «последующее возвращение в систему, без которого «творение» все-таки бессмысленно»; и, в-пятых, действительно, для этого необходимо не «оправдание», а аргументированное «объяснение», почему так сомнительно кончается «творческая, инновативная интенция субъекта».

У меня есть несколько, на мой взгляд, правдоподобных гипотез, почему имеет место это «возвращение в систему», сформулированных в контексте многолетних исследований такого феномена, как фиксированные формы поведения, по сути не- или антиинновационные формы поведения [3–5].

Одна из гипотез состоит в том, что творческая, инновационная деятельность и поведение человека, выход за пределы норм, традиций, стереотипов и т.п. требуют порой больших, даже запредельных интеллектуальных, эмоционально-волевых, моральных и физических усилий. В

этом выходе в наибольшей степени есть проявление его свободы, добываемой нередко в борьбе с наследственностью, со средой, с влечениями [19], с опытом (добавим: да и в борьбе с системой). Система, даже если она и «открытая», каковой представляется в рамках системных теорий, не так легко «отпускает» за свои пределы. Это борьба в целом с известным законом экономии энергии. Поэтому если и имеет место указанное «возвращение», то это возвращение, так сказать, «на отдых». Инновационное творение – это творение и взлет, отрыв духа от иррического, земного, телесного (привычного) и переход к нозическому (духовному, новому), возвращение – это возвращение не в систему, что было бы действительно бессмысленно, а к привычному, традиционному, телесному, к практике, чтобы, во-первых, почерпнуть от них энергию для нового взлета, вдохновения, может быть, еще более сильного и высокого; во-вторых, одухотворить иррическое, которое благодарно отдает человеку энергию для нового взлета, и, в-третьих, проверить теорию практикой.

В этом, как мне кажется, сущность человеческого в человеке, суть его развития и становления, личностного роста. И это вечное движение в пространстве и во времени – от иррического к нозическому и обратно, этот выход за пределы системы и не возвращение в неё, а обогащение её как средства для очередного взлета духа – все это свидетельствует о том, что человек, становясь человеком-личностью в процессе антропогенеза (антропос – устремленный вверх), социогенеза и онтогенеза, становится явлением надсистемным, целостным, единым образованием, интегрирующей, конституирующей составляющей которого является его духовность, его ценности и смыслы [7].

Об этом вечном движении между традицией и инновацией говорят, как мне кажется, и В.Е. Ключко с соавт. [9. С. 11], когда, в предлагаемом им понятии «инициация» сливаются оба аспекта – и порождающий, и инициативный, процессуально-деятельностный, и собственно личностный. Их нельзя развести, как нельзя оторвать процесс порождения «новой нормы» от ситуации деятельности, в которой она сформировалась (и которая регулировалась «старой нормой»), и от личности, которая обнаружила в ходе деятельности возможность для саморазвития, реализовав тем самым присущий ей уровень «инновационной инициативы».

В рамках данных концептуальных построений инновационное поведение понимается как поведение, которое осуществляется путем выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов и иницируется не системой периодически актуализируемых (воспроизводимых) потребностей, но возникает инициативно в тех точках жизненного пространства человека, в которых сходятся между собой как минимум три фактора [9. С. 11]:

1) возможности человека, представленные его личностным, духовным, творческим, интеллектуальным и т.д. потенциалом;

2) среда, отвечающая этим возможностям, т.е. размеченное ценностно-смысловыми «маркерами» пространство, в котором возможна самореализация;

3) готовность человека реализовать свои возможности здесь и теперь.

Интересно, что вторым пунктом авторы, как мне кажется, фактически противоречат себе, поскольку они «против стандартной логики»: «инновационное бытие» определяет «инновационное сознание», которое регулирует «инновационное поведение». На мой взгляд, среда, отвечающая этим возможностям, и готовность человека реализовать свои возможности здесь и теперь – это и есть как раз то «инновационное бытие» в стандартной логике. В этой связи встает вопрос, как объяснить случаи инновационного поведения в отсутствие соответствующей среды и даже вопреки «несоответствующей среде»? В ряду требующих объяснений стоят «надситуативная активность» (В.А. Петровский), «активная флексибельность» (Г.В. Залевский), «чувство проблемы» (Дж. Гилфорд), «свободная инициация» (О.К. Тихомиров, В.Е. Ключко), в основе которой лежит самопроизвольный переход действующей личности к мыслительной деятельности «за пределами инструкций», требований ситуации, «апрактично», «нефункционально» и т.д.

В одном смысловом ряду с упомянутыми выше феноменами стоит и «чувствительность к проблемам» [12].

На мой взгляд, истинное инновационное поведение и скрывающаяся за ним инновационная личность являются и проявляют себя как раз в отсутствии и вопреки, и даже не в поиске, а в создании соответствующих сред, не в «сваливании в поток», а в стремлении как бы не попасть в него и проложить свой канал, несущий оригинальный поток.

Справедливо другое, а именно то, что соответствующая среда – инновационная среда – создает благоприятные условия для массового проявления инновационного поведения в плане генерации инноваций и особенно в плане их принятия, рождения «инновационного движения». Правда, есть совершенно реальная опасность, что в этом потоке или движении, да еще и в качестве лидеров, могут оказаться лже- и псевдоноваторы.

Прежде всего такой инновационной средой должна быть образовательная среда. Как справедливо отмечается [9], современная образовательная среда во многом не отвечает по своей сложности и разнообразию возможностям человека. Людей, которые оказываются втянутыми в поток самодвижения (инициативного действия, саморазвития, самореализации), слишком мало в современной образовательной практике. Это справедливо как для общего, так и для высшего профессионального образования [2, 6, 10].

В целом такой средой, по А. Бергсону, может быть открытое общество, которое представляет целое человечество как динамичное, делающее ставку на личное начало с его изначальной неповторимостью; фундамент

открытой морали – творческая личность, ее свойство – дух новаторства, ломающий все фиксированные схемы закрытого общества [18]. В этой связи представляется

очевидным, что поскольку инновационность становится стратегическим ресурсом общества, то психология с неизбежностью входит в ряд стратегических наук.

Литература

1. Гусельцева М.С. Типы методологических установок в психологии // Вопросы психологии. 2005. С. 98–103.
2. Залевский Г.В. «Открытые» и «закрытые» образовательные системы: экспертные основания для различения // Экспертиза инновационных процессов в образовании: подходы к проблеме экспертизы в образовании. Томск, 1999. С. 33–46.
3. Залевский Г.В. Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 3. С. 32–36.
4. Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
5. Залевский Г.В. Фанатизм как основание и характеристика деструкции системы ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 314–340.
6. Залевский Г.В., Прозументова Г.Н. Концепция развития образовательного пространства г. Томска и Томской области. Томск, 1998.
7. Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В. Антропологическая психология: биопсихосоциоэтическая модель развития человека и здоровья // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 99–103.
8. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005.
9. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Исследование инновационного потенциала личности: концептуальные основания // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 6–12.
10. Козлова Н.В. Личностно-профессиональное становление в условиях вузовского образования: акмеориентированный подход: Дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2008.
11. Коростылева Л.А., Советова О.С. Психологические барьеры и готовность к нововведениям. СПб., 1995.
12. Краснорядцева О.М. Чувствительность к проблемам как характеристика инновационного потенциала личности // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 13–19.
13. Подлесная Л.М. Социально-психологические аспекты преодоления барьера к новому: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тбилиси, 1978.
14. Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия. М.: ИПЛ, 1989.
15. Психология инновационной деятельности: тезаурус (словарь, охватывающий специфику профессиональной лексики) / Сост. Э.В. Галажинский, В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева. Томск: Изд-во ТГУ, 2009. 24 с.
16. Свенцицкий А.Л. Материальное производство и управление // Социально-психологические проблемы научно-технического прогресса. Л., 1982.
17. Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.
18. Bergson H. Les deux sources de la moral et de la religion. Paris, 1932.
19. Frankl V. The search of meaning. N.Y., W., 1962.
20. Rogers K. Die klientenzentrierte Gesprachspsychotherapie. Muenchen, 1976.

TO THE PROBLEM OF THE PSYCHOLOGY OF INNOVATIONAL BEHAVIOR AND ITS BOUNDARIES

Salevskij G.V. (Tomsk)

Summery. In the article the questions are discussed about innovational behavior and innovational personality, possibility of there classification and typology. To the antipodes of innovational behavior – non – and anti-innovational behavior the author attributes fixed forms of social, professional and scientific behavior. An idea are discussed that the innovational behavior is the state and result of struggle of men-personality with him self: genetic, environment, experience and system in moving in time and space between earthly and noetic.

Key words: innovational behavior; innovational personality; non- and antiinnovational behavior; typology; earthly; noetic; system; over-system; men-personality; boundaries.